

НОВОЕ О НЕКРАСОВЕ ИЗ АРХИВОВ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО и П. А. ЕФРЕМОВА

Сообщение С. Дымова и В. Холодовой

I.

Публикуемый ниже текст — отрывок из неизданного письма А. Н. Пыпина к Н. Г. Чернышевскому от 12 июля 1857 г. из Саратова — относится к книге «Стихотворения Н. Некрасова», вышедшей в свет в октябре 1856 г. в Москве (изд. К. Солдатенкова и Н. Пешкина). Появление этой книги было крупным событием в литературно-общественной жизни эпохи. Стихи Некрасова приковали к себе всеобщее внимание. Они сразу же получили восторженное признание со стороны всей демократической общественности страны и вызвали взрыв ненависти со стороны всех реакционно-охранительных сил.

Огромный успех, сопровождавший появление некрасовской книги, засвидетельствован многими современниками. «Восторг всеобщий, — писал 5 ноября 1856 г. Чернышевский Некрасову, находившемуся тогда в Риме. — Едва ли первые поэмы Пушкина, едва ли „Ревизор“ или „Мертвые души“ имели такой успех». «Экземпляры пропадают в лавках как только появляются», — сообщал Анненков Тургеневу в письме от 7 ноября. «Стихотворения Некрасова возбуждают фурор», — извещал того же Тургенев Лонгинов в письме от 18 ноября и продолжал о том же в письме от 22 ноября: «Некрасов попрежнему производит впечатление невообразимое...» и т. д. и т. п. Делясь с Герценом этим потоком информации, Тургенев писал ему 30 ноября (12 декабря) из Парижа: «Из России я имею известие о громадном и неслыханном успехе стихотворений Некрасова. 1400 экземпляров разлетелись в две недели; этого не бывало со времен Пушкина». А сам Герцен со своей стороны заявлял: «Ни одна книга на Руси со времен „Ревизора“ не шла так страшно...».

В чем была причина такого успеха?

«А Некрасова стихотворения, собранные в один фокус, жгутся», — заметил как-то Тургенев. Собранные в этот «фокус» в п е р в ы е стихи Некрасова потрясли читателей силой революционной энергии и страсти и одновременно искренностью и глубиной патриотической горечи перед зрелищем родной страны, скованной крепостническим бесправием и рабством. В конце 50-х гг., в условиях назревания революционной ситуации в стране, огромный успех некрасовской книги был не только выдающимся литературным явлением. Этот успех был весьма действенной политической силой, направленной против самодержавия и крепостничества. Именно поэтому правительство и реакция немедленно приняли меры, чтобы по возможности нейтрализовать эту силу.

Секретным циркуляром министра внутренних дел по департаменту полиции исполнительной от 18 декабря 1856 г. книга Некрасова была запрещена переизданием. Одновременно было запрещено появление в печати статей об этой книге и «в особенности выписок из оной» (см. об этом в настоящем томе в сообщении В. Нечаевой «П. А. Вяземский — цензор Некрасова»).

«Аристократическая сволочь», — писал по этому поводу Герцен в «Колоколе» (1 августа 1857 г. № 2), — найдя в книжке Некрасова «революционные возгласы, чуть не призыв к оружию», снова дала волю «цензурной орде с ее баскаками». Это были тщетные попытки. Без отзывов критики и без переиздания книга Некрасова уверенно и быстро расширяла круг своих «читателей-друзей», подчиняя их своему идейно-поэтическому могуществу. Как это происходило, рассказывает такой авторитетный свиде-

Забывайся впрочем шляпу
 Сдернут — царь отец
 отошлет и по этапу
 Чур, в один конец!

8 1/2 ч. вечера

АВТОГРАФ НЕИЗВЕСТНОГО ЧЕТВЕРОСТИШИЯ НЕКРАСОВА «ЗАБЫВАЙСЯ ВПРЧЕМ ШЛЯПУ СДЕРНУТ...», 1877 г.

Центральный литературный архив, Москва

тель, современник, как Пышин. Его показание тем более интересно, что оно относится не к столице, а к провинции, Саратову, и адресовано Чернышевскому.

А. Н. ПЫШИН — Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОМУ

(Отрывок)

⟨Саратов, 12 июля 1857 г.⟩

...Когда увидишься с Некрасовым, передай ему мое глубочайшее почтение от моего лица и за много других лиц. Поблагодари его за книжку стихотворений, доставляющую истинное наслаждение его читателям. Здесь один господин чуть не стял у меня его портрета. Представь себе, что здесь стихотворения Некрасова списываются целой книгой, за недостатком печатного издания, и за переписку установлена уже известная, постоянная цена: так бывало только с Пушкиным и Лермонтовым. Ему, право, надобно подумать об новом издании стихотворений: если цензура их несколько попортит, то не беда: легче приписать пропущенное, чем заказывать целый рукописный экземпляр. Да! Теперь Некрасов единственный поэт, которого может слушать порядочная публика...

⟨Автограф—ЦГЛА, Ф. Н. Г. Чернышевского № 491, л. 42 об.⟩.

II

В бумагах известного библиографа П. А. Ефремова, хранящихся ныне в Центральном государственном литературном архиве, имеются следующие не бывшие еще в печати стихотворные строки Некрасова:

Забывайся впрочем шляпу
 Сдернут — царь отец
 отошлет и по этапу
 Чур, в один конец!

Четв⟨ерг⟩ 27 янв⟨аря⟩ 1877 8 1/2 ч. вечера

Четверостишие написано карандашом, рукою Некрасова, на клочке плотной белой бумаги, неровно оборванном по краям. Дата под текстом обозначена рукой Ефремова. Автограф найден среди других, уже известных в печати экспромтов Некрасова, которые Ефремов собирал и записывал: «После чтения И. Кауфмана в Собр. Общ. Лит. фонда 5 января 1875»; «При предложении И. К. Бабста в члены О. Л. Ф. (20 мая 1875)»; «При отъезде Дмитриева в Киев из Ярославля».

Здесь же хранятся еще два автографа Некрасова. Первый — известное стихотворение «Не за Якова Ростовцева». Оно написано на обратной стороне конверта от письма М. Л. Златковского к Ефремову. Адрес: «На Садовой, в здании Государственного банка, в помещении Сберегательной кассы» — зачеркнут и сверху карандашом написано: «По Лиговке, против Греческой церкви, дом № 25, второй от Гусева переул. (во дворе)». На Лиговке Ефремов жил с 1875 г. Письмо М. Л. Златковского датировано 24 декабря 1876 г. Эти даты помогают датировать и стихотворение Некрасова.

Второй автограф — запись Некрасова на обрывке бумаги: «Обед у Донона в 5¼ ч. Внизу пометка Ефремова: «(Некрасов. Последнее с ним засед. Общ. Лит. фонда)».

Укажем далее еще на два документа из архива Ефремова.

Первый документ — список известного стихотворения «Не говори: забыл он осторожность...» («Пророк»). Список документально подтверждает, что стихотворение было посвящено Н. Г. Чернышевскому: в заглавии его стоят буквы Н. Г. Ч., а внизу сделана заметка: «(С п и с а н о с а в т о г р а ф а) 27 мая 1875 г.». Следовательно, существовал автограф, в заглавии которого стояли инициалы Н. Г. Чернышевского (ср. публикацию С. Макашина «В воспоминание о Чернышевском». Автокомментарий Некрасова к стихотворению «Пророк». — «Лит. Наследство», т. 49—50, стр. XXV и «Огонек», 1946, № 48—49, стр. 28).

На том же листе карандашом записаны две почти стершиеся строчки:

За осужденных в изгнание вечное
За заточенных в тюрьму.

Это запрещенные цензурой строки из стихотворения «Молебн».

Второй документ — письмо редактора журнала «Русская Старина» М. И. Семевского к Ефремову от 13 февраля 1878 г. В этом письме, еще не бывшем в печати, находим следующие строки, относящиеся к цензурной судьбе, постигшей некоторые стихотворения Некрасова вскоре после смерти поэта.

М. И. СЕМЕВСКИЙ — П. А. ЕФРЕМОВУ

(Отрывок)

13 февраля <1878 г.>

...К величайшему моему сожалению, в представленной в цензуру мартовской книге «Русской Старины» г. Ратынский в первой инстанции, а Ф. Ф. Веселаго (замещающий В. В. Григорьева) в последней, оставились на стихотворениях Некрасова «Не говори, забыл он осторожность» и «Смолкли честные, доблестно павшие» и признали невозможным пропустить мартовскую книгу моего издания с этими прекрасными стихотворениями. А. Г. Петров объявил мне это, и злополучная осьмушка перепечатана, равно перепечатана и обертка. Я озабочился сохранением нескольких корректурных оттисков, из которых два или три дошло к Вам...

Р. С. Сегодня М. Е. Салтыков рассказал мне, что Ф. Веселаго не пропустил в «Отеч. Зап.» весьма невинную сказку Некрасова о добром царе Аароне...

<Автограф. — ЦГЛА, Ф. П. А. Ефремова, № 340, лл. 173 — 174.>

Оба стихотворения были записаны Некрасовым для Ефремова 27 мая 1875 г. и с этих автографов списаны М. И. Семевским для предполагавшейся публикации в его журнале. О самом факте цензурного изъятия названных стихотворений Не-

красова из третьей книжки «Русской Старины» за 1878 г. было известно давно (см. Ч. Ветринский, Крохи Некрасова. Из данных П. А. Ефремова. — «Литература, искусство, наука». Приложение к № 354 газеты «Дело» от 31 декабря 1913 г.). Свидетельство М. И. Семевского лишь уточняет детали этого цензурного эпизода.

Весьма интересен постскриптум письма. Некрасовская «Сказка о добром царе Аароне» до сих пор не разыскана. Несомненно, что речь здесь идет о том самом произведении, о котором Некрасов говорил А. Н. Пышину 15 января 1877 г.: «Сказка „в роде пушкинских“ — „я думаю пропустят“, в ней есть царь, да ведь в сказках без царей вельзл: царь, воевода и крестьянин» («Лит. Наследство», т. 49—50, стр. 192). В свое время К. И. Чуковскому удалось напасть на след некрасовской «сказки». Ему стало известно о существовании списка «сказки», принадлежавшего первоначально А. А. Буткевич или А. Н. Еракову. Но след затерялся, и списка получить не удалось («Полн. собр. стих. Некрасова», изд. 9-е, Л., 1935, стр. 604 и устное сообщение К. И. Чуковского редакции «Литературного Наследства»). В. Е. Евгеньев-Максимов обнаружил проект программы вечера Литературного фонда в память Некрасова. На вечере должна была читаться некрасовская «сказка», но чтение ее было запрещено цензурой (В. Евгеньев-Максимов. Некрасов и Пушкин. — «Литературный современник», 1938, № 3, стр. 205). Теперь мы впервые узнаем имя «героя» сказки — «царя Аарона», а также то, что Салтыков-Щедрин сделал неудачную попытку напечатать ее в февральской книжке «Отеч. Зап.» за 1878 г. Повидимому, именно об этом произведении Салтыков намеревался говорить с начальником Главного управления по делам печати 20 января 1878 г., о чем извещал Краевского в письме, написанном в тот же день: «Я было заходил сегодня к Григорьеву, чтоб объясниться насчет стихов Некрасова (для февральской книжки), но не застал его...» (Н. Щедрин, Полн. собр. соч., т. XIX, стр. 103).

Некрасовская сказка
Собрание
А. А. Буткевич
 14 апр. 1876.
 Гол.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Н. НЕКРАСОВА

ШМУЦТИТУЛ ИЗДАНИЯ «СТИХОТВОРЕНИЙ» НЕКРАСОВА 1874 г.
 С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ
 ПОЭТА П. А. ЕФРЕМОВУ

Институт литературы АН СССР,
 Ленинград